

ОСТАНОВКА В ПУСТЫНЕ

Теперь так мало греков в Ленинграде, что мы сломали Греческую церковь, дабы построить на свободном месте концертный зал. В такой архитектуре есть что-то безнадежное. А впрочем, концертный зал на тыщу с лишним мест не так уж безнадежен: это — храм, и храм искусства. Кто же виноват, что мастерство вокальное дает сбор больший, чем знамена веры? Жаль только, что теперь издалека мы будем видеть не нормальный купол, а безобразно плоскую черту. Но что до безобразия пропорций, то человек зависит не от них, а чаще от пропорций безобразья.

Прекрасно помню, как ее ломали. Была весна, и я как раз тогда ходил в одно татарское семейство, неподалеку жившее. Смотрел в окно и видел Греческую церковь. Все началось с татарских разговоров; а после в разговор вмешались звуки, сливавшиеся с речью поначалу, но вскоре — заглушившие ее. В церковный садик въехал экскаватор с подвешенной к стреле чугунной гирей. И стены стали тихо поддаваться. Смешно не поддаваться, если ты стена, а пред тобою — разрушитель.

К тому же экскаватор мог считать ее предметом неодушевленным и, до известной степени, подобным себе. А в неодушевленном мире не принято давать друг другу сдачи. Потом туда согнали самосвалы,

бульдозеры... И как-то в поздний час сидел я на развалинах абсиды. В провалах алтаря зияла ночь. И я — сквозь эти дыры в алтаре — смотрел на убегавшие трамваи, на вереницу тусклых фонарей. И то, чего вообще не встретишь в церкви, теперь я видел через призму церкви.

Когда-нибудь, когда не станет нас, точнее — после нас, на нашем месте возникнет тоже что-нибудь такое, чему любой, кто знал нас, ужаснется. Но знавших нас не будет слишком много. Вот так, по старой памяти, собаки на прежнем месте задирают лапу. Ограда снесена давным-давно, но им, должно быть, грезится ограда. Их грезы перечеркивают явь. А может быть, земля хранит тот запах: асфальту не осилить запах псины. И что им этот безобразный дом! Для них тут садик, говорят вам — садик. А то, что очевидно для людей, собакам совершенно безразлично. Вот это и зовут: «собачья верность». И если довелось мне говорить всерьез об эстафете поколений, то верю только в эту эстафету. Вернее, в тех, кто ощущает запах.

Так мало нынче в Ленинграде греков, да и вообще — вне Греции — их мало. По крайней мере, мало для того, чтоб сохранить сооруженья веры. А верить в то, что мы сооружаем, от них никто не требует. Одно, должно быть, дело нацию крестить, а крест нести — уже совсем другое. У них одна обязанность была. Они ее исполнить не сумели. Непаханое поле заросло. «Ты, сеятель, храни свою соху,

а мы решим, когда нам колоситься».
Они свою соху не сохранили.

Сегодня ночью я смотрю в окно
и думаю о том, куда зашли мы?
И от чего мы больше далеки:
от православья или эллинизма?
К чему близки мы? Что там, впереди?
Не ждет ли нас теперь другая эра?
И если так, то в чем наш общий долг?
И что должны мы принести ей в жертву?

первое полугодие 1966